

Л.В. Доровских

ЛАТИНСКИЕ ВКРАПЛЕНИЯ В ПЕРЕПИСКЕ А. П. ЧЕХОВА

Эпистолярное наследие А.П.Чехова одно из самых значительных собраний среди писем русских классиков. В первом научном издании полного собрания сочинений и писем писателя в 30 томах, вышедшем в 1974-1983 гг., переписка составила 12 томов или 4484 текста. В предисловии от редакции отмечается, что письма А.П.Чехова являются не только своего рода документальным повествованием писателя о своей жизни и своем творчестве, но и отражением «пульса всей культурной и общественной жизни России конца XIX – первых лет XX века», не уступающим по совершенству языка его художественным произведениям¹.

Хотя некоторые из писем А.П.Чехова были опубликованы уже при жизни писателя, известно, что сам он возражал против этого: «Напечатание связало бы меня на будущее время; потом, когда бы я писал письма, я был бы уже не свободен, так как мне все казалось бы, что я пишу для печати», – так ответил писатель публицисту А.С. Пругавину, просившему разрешения использовать его письма в заметках для газеты «Русские ведомости»².

Первая самостоятельная публикация писем Чехова – это письма к А. Н. Плещееву, подготовленные к печати сыном последнего (1904 г.)³. В 1904-1910 гг. были публикации писем Чехова в различных изданиях. В 1909 и 1910 гг. увидели свет первые сборники писем Чехова. Эти далеко не совершенные издания вызвали огромный читательский интерес и многочисленные отклики в печати, ибо даже по этим публикациям было понятно, какую художественную ценность представляют письма Чехова и какой богатый материал содержат они для понимания Чехова-писателя. Назрела необходимость в полном и выверенном издании писем писателя⁴.

Работу по собиранию и изданию писем Чехова осуществили наследники писателя – жена О.Л. Книппер-Чехова, сестра М.П. Чехова и братья И.П. Чехов и Мих.П. Чехов (последний стал и первым биографом писателя). Шесть томов «Писем А.П. Чехова», увидевшие свет в 1912-1916 гг., содержали 1917 единиц – в хронологической последовательности. Это издание, воспринятое публикой

как «второе собрание сочинений» писателя, стало «самыми читаемыми книгами»⁵.

В советское время в восьми томах (XIII-XX тт.) Полного собрания сочинений и писем А.П. Чехова (Государственное издательство художественной литературы, 1944-1951 гг.) было напечатано 4195 писем (из которых 700 были опубликованы впервые)⁶. Но и число 4484 – письма, вошедшие в первое научное издание – не исчерпывает эпистолярного наследия Чехова, хотя для этого издания велись настоячивые поиски новых автографов⁷.

«Второе собрание сочинений» А.П. Чехова стало предметом внимания и лингвистов, анализировавших язык писем писателя в различных аспектах: изучались окказионализмы и окказиональное словообразование в письмах Чехова (В.Е. Захарова, И.В. Агаронян, Н.А. Богданов), лексические новообразования (А.Н. Зеленев) и индивидуальное словотворчество (А.П. Карпова и П.Г. Черемисина), художественные элементы и экспрессивные средства (В.Е. Захарова, Н.С. Востокова), книжная лексика (С.П. Лопушанская) и синонимия (Е.Б. Гришанина); исследовались фразеологические сочетания (Т.В. Зеленова, А.П. Окунева, А.М. Чепасова, С.П. Боримчук, В.А. Лебединская) и особенности синтаксиса (А.И. Аникин, Л.А. Дерibas); на материале писем Чехова частное письмо рассматривалось как жанр русского литературного языка (В.Е. Ляпунова).

При чтении писем А.П. Чехова бросается в глаза иноязычный компонент в языке писателя, который представлен как заимствованными в русский язык лексемами, имеющими порой оформление, отличное от принятого в языке (например, *критериум* и *критерий* [IV, 45], *пишущему индивиду* [II, 324], *гонорарий* [II, 330; III, 22], *цензурия* [III, 59] и т. п.), так и иноязычными вкраплениями⁸ – французскими, немецкими, итальянскими, латинскими, греческими.

Говоря об иноязычных вкраплениях у Чехова, следует упомянуть об отношении писателя к изучению иностранных языков и о его эрудиции в этом плане.

В классической гимназии, которую окончил А.П. Чехов, изучали не только русский язык и словесность, но и латинский, греческий, немецкий, французский языки⁹. Очевидно, будучи студентом

¹ Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма. Т. 1. – М., 1974. С. 5.

² Там же. С. 295.

³ Там же. С. 298.

⁴ Там же. С. 299.

⁵ Там же. С. 301.

⁶ Там же. С. 304.

⁷ Там же. С. 305, 318.

⁸ Иноязычные вкрапления в художественном творчестве А.П. Чехова исследовались Ю.Т. Листровой (немецкие) и Г.Н. Николаевой (латинские), которая называет латинские вкрапления латинизмами.

⁹ См.: Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма. Т. 1. С. 471. Г.Н. Николаева, изучавшая латинские вкрапления в

Московского университета, Чехов должен был совершенствоваться и в изучении иностранных языков, в латыни, в частности. Однако имеющиеся знания, вероятно, не вполне удовлетворяли Чехова: это может быть понятно из некоторых замечаний писателя в его письмах. Так, в письме Н.А. Лейкину, редактору и издателю журнала «Осколки», в сентябре 1886 г. А.П. Чехов писал, видимо, шутя, о трех «грехах», не дающих ему покоя: «1) курю, 2) иногда пью и 3) не знаю языков» (I, 194)¹⁰. Позже, в ноябре 1889 г., обращаясь к Л.Н. Ленской, жене актера А.П. Ленского, с просьбой перевести для него французскую рецензию, Чехов пишет: «Мне вдвойне совестно: беспокою Вас и не знаю языков. Ах, с каким бы удовольствием я себя выпорол! Без знания языков чувствуешь себя как без паспорта» (III, 722). «Сладость латыни», упоминаемая в письме к Ник.П. Чехову (I, 163), восторгает его в написанных на латинском языке посланиях (II, 274; IV, 870). А собственное цитирование в записках про Сахалин «иностранных авторов с чужого голоса», т.е. в чужом переводе, оценивается Чеховым как «сплошное мошенничество» (IV, 777).

Тем не менее следует признать, что иноязычный компонент является неотъемлемой частью языковой культуры писателя, вне зависимости от того, идет ли речь о художественном или эпистолярном творчестве А.П. Чехова. Такой вывод неизбежно следует при чтении его переписки.

Материалом для излагаемых ниже наблюдений послужила переписка А.П. Чехова 1875-1890 гг. Всего рассмотрено 875 текстов. Среди них письма к родственникам и знакомым, соученикам, издателям, писателям и поэтам, композиторам и актерам, критикам и т.д. Целью было выявление иноязычных вкраплений из классических языков – латинского и греческого.

Латинские вкрапления в письмах А.П. Чехова разнообразны и многочисленны. Их преобладание среди иноязычных элементов очевидно.

А.П. Чехов использует в письмах латинские вкрапления разного типа: пословицы, крылатые слова и устойчивые сочетания, отдельные лексемы, в том числе терминологические, аббревиатуры.

Из аббревиатур многократно встречаются *nota bene* (*NB.* и *NB:*) и *post scriptum* (*P.S.* и *PS.*), причем последняя может использоваться непосредственно в тексте как обозначение части письма: «Лейкин на днях в P. S. просил, чтобы я...» (I, 151); «Не забудьте сделать следующий P.S.: “Что касается моих условий, то...”» (III, 736).

произведениях Чехова, полагала, что именно «классическое образование, полученное Чеховым в таганрогской гимназии, отразилось в тематике многих его ранних произведений, в широком использовании образов, имен и сюжетов из античной мифологии и истории, цитат из античных авторов, в использовании латинских и калькированных с латинского и греческого фразеологических оборотов» (См.: Николаева Г.Н. Из наблюдений над стилистическим использованием латинизмов в произведениях А.П. Чехова // Филологический сборник. Вып. XIII-XIV. – Алма-Ата, 1974. С. 297.

¹⁰ Все ссылки на текст писем по академическому изданию. Римская цифра указывает номер тома, арабская – номер письма.

Сюда примыкают сокращенные написания, применяемые в медицинской практике: Rp., DS (I, 27), t° (неоднократно), ā (II, 276), а также используемые в обращении или в подписи (редко – в тексте писем) *D-r!* (I, 104), *D-r Чехов* (II, 224), *D-r Antonio* (III, 569)¹⁴. Ср. также: «D-га города Таганрога благодарят Вас...» (II, 275), где в латинском сокращении видим русское окончание именительного падежа множественного числа.

При перечислениях отдается явное предпочтение латинскому алфавиту, причем не только *a, b, a* и *b, a, b, c*, но и *a, b, ... f* (I, 127; 159) и даже *a, b, ... n* (I, 107).

Латинские буквы и их названия заменяют порой собственные имена или выступают в роли таковых: «...петербургских увеселительных мест, которых я не знаю и назвал через N и Z» (I, 106); «актеры капризны, самолюбивы, ...и какой-нибудь N готов душу продать нечистому, чтобы его товарищу Z не досталась хорошая роль» (II, 329); «...я уверен, что X, сам того не сознавая, от чистого сердца наклеветает, налжет и скощунствует, Y подпустит мелкую, бледную тенденцию, а Z объяснит самоубийство психозом» (II, 357); «Иксы, Зеты и Эны, работающие в “Будильнике”, в “Стрекозах” и “Листках”, переполошились...» (III, 500); «...какой-то икс на манер редакционного секретаря...» (III, 747). Ср. также подпись в письме к брату Ал.П. Чехову: «Известный тебе N.N.» (III, 683).

Нередко Чехов прибегает к латыни в обращениях, начинающих письма, и в концовках писем. Так, письма к известному врачу П.Г. Розанову он начинает словами «Collega maior et amicissime Павел Григорьевич!» (I, 101) и «Милейший мой collega и друг Павел Григорьевич!» (II, 250)¹⁵.

«Johannes Leonis filius!» – обращается Чехов к писателю Ивану Леонтьевичу Леонтьеву (Щеглову) (III, 534). «Elegantissime! Я, подобно Вам, вернулся в Москву...» – читаем в письме, адресованном архитектору Фр.Осип. Шехтелю (II, 240). Завершая письмо к брату Александру Павловичу, Чехов пишет: «Желаю tibi optimum et maximum» (I, 1). Другие письма к Ал.П. Чехову имеют подпись «Tuus A. Чехов» (I, 56; II, 282; 285; 307; 314), «Tuus frathрь» (II, 297), «Туус А. Чехов» (II, 445), «Tuus Antonio» (II, 333), «Tuus magister bonus Antonius XIII» (III, 632). Письмо к товарищу по гимназии и университету подписано «Tuus Чехов» (I, 85), а одно из писем к матери «Ваш Anton» (IV, 856).

Закончив письмо привычной подписью «А. Чехов», писатель делает приписку, после которой снова следует подпись, но уже «Idem» (II, 273). Ср. также «Скучающий вологжанин Homo Sachaliensis A. Чехов» (IV, 808) и «Ваш Homo Sachaliensis A. Чехов» (IV, 813; 825; 828; 835) – в письмах, написанных в пути на Сахалин.

¹⁴ Встречается и русский вариант: Д-р Грязнов (IV, 790), Д-ру Чехову (II, 402) и т.д.

¹⁵ Коллега по отношению к врачам и писателям употребляется многократно в русском написании. Латинское collega, кроме приведенных выше обращений, встретилось еще в письме к Н.А. Лейкину: «...я и мой collega будем в мае массажировать одного толстяка» (II, 257).

Латинские лексемы используются и в «повествовательной» части писем. Одни из них общеупотребительны, они и в современном языке являются иноязычными вкраплениями¹⁶, а латинское написание других – проявление языковой воли автора.

Cave «Берегись!»: «Cave, как пороха, твердой пищи!» (II, 283).

Dixi «Я сказал!»: «... всю мою жизнь буду ратовать против детских журналов. Dixi» (II, 332). Ср. **Finis** (см.).

Ergo «Итак, поэтому»: «Свидетель Поликарпов... видел около тела бочонок... через час... Поликарпов уже не видел бочонок. Ergo: ... трактирщик... украл у мертвеца бочонок» (I, 77); «Пьесу я писал впервые, ergo – ошибки обязательны» (II, 316).

Extemporale «Учебные упражнения в переводе с родного языка на латинский или греческий»: «Сегодня Финик за extemporale получил 5+» (II, 485).

Finis «Конец»: «... я с ней разведусь через 1-2 года после свадьбы, это несомненно... Но... finis» (I, 138). Ср. также: «Я кончил» (I, 60; 196).

Gratis «Безвозмездно, даром»: «“Осколки” и любовь я получаю gratis» (I, 169); «Моя подпись начинает принимать определенный и постоянный характер, что я объясняю громадным количеством рецептов, которые мне приходится писать, – конечно, чаще всего gratis» (I, 123); «... дайте мне новый экземпляр gratis или в обмен на мои “Сумерки”» (II, 424) и далее там же: «Если Вы не против моей ехидной мысли иметь их з а д а р о м (выделено мной. – Л.Д.) (купил бы, да денег нет), то...» (II, 424).

Maximum «Предел; самое большое»: «В одном номере (журнала. – Л.Д.) автор может располагать maximum тремя листами» (II, 407).

Minimum «Самое малое»: «Строк в рассказе много. Мерять не умею, а думаю, что 200–250 будет minimum» (I, 46); «... мне нужно minimum 200 руб.» (I, 111); «... потребно minimum 50 руб.» (I, 120); «Было сегодня утром 3 целкаша, мечтал прожить на них minimum 2 суток» (I, 152); «... запрашивайте подороже (minimum 250 руб.)» (II, 377); «... принесет Вам пользы minimum на тысячу» (III, 732); «... упразднил до minimum’a, ибо считаю...» (III, 738).

Nihil «Ничто, ничего»: «Плачу во все концы, и мне остается nihil» (I, 41).

Sic «Так!»: «... по анатомии я получил 3 (sic!)» (I, 17); «... когда мы доплелись до Бабкина, то было уже час ночи... Sic!» (I, 107).

Status «Положение, состояние»: «... мнения, которые высказываются действующими лицами, нельзя делать status’ом произведения, ибо не в мнения суть, а в их природе» (III, 705) – здесь значение status отличается от указанного выше.

Veto «Я запрещаю»: «... буду налагать veto безжалостно» (III, 506); «... не замедлит наложить на Ваше прошение свое железное veto» (III, 623).

Латинские лексемы в нижеследующих контекстах нужно, видимо, рассматривать как индивидуальную особенность авторской манеры писателя:

«Буде осколочные feminae не отослали еще Плещееву... моих “Пестрых рассказов”» (II, 346) – *feminae* «женщины»;

«... пишу чепуху, не интересную для адресата. Такова у меня natura» (I, 135)¹⁷;

«...пришло Сентябрь и Октябрь вместе, ибо они мало отличаются друг от друга – septem, octo...» (I, 112) – *septem* «семь», *octo* «восемь»;

«... все это знает Алексей Алексеевич Suvorini filius, к которому и обратись...» (III, 533) – Suvorini filius «сын Суворина».

Ср. также: «... в этом рассказе я пробовал себя как medicus» (I, 134) – «В качестве медикуса прошу тебя не полениться подробно описать мне болезнь...» (II, 356) – «Он болен серьезно, и бывают минуты, когда я искренно горюю, что я медик, а не невежда» (III, 649).

Из этих контекстов понятно, что латинизм **medicus** и его русская транслитерация **медикус** своего рода языковая игра, которая неуместна, когда речь идет о смертельно больном брате, и в письме появляется общеупотребительное **медик**.

Параллельно употребляются также лат. **consilium** и рус. **консилиум**: латинская форма используется, если речь идет о собрании, совете, совещании вообще, а русская предполагает совещание врачей. Ср.: «... собраться перед подпиской всем сотрудникам “Осколков” и учинить consilium» (I, 122); «... как я решил на consilium’e с Ежовым (писателем и журналистом. – Л.Д.)» (III, 727) – «Сегодня позвал к себе на подмогу двух опытных и понимающих коллег и составил с ними консилиум...» (III, 633); «Будем приглашать его на консилиум... Прежде на консилиумах я сильно конфузился...» (III, 635); «Сегодня был консилиум, решивший...» (III, 632).

Подобное размежевание латинской и русской форм слова связано, видимо, с тем, что в русском языке латинизм **консилиум** имеет определенную сферу употребления – медицину, и Чехов считал неуместным использовать его, когда дело касалось другой области.

Надо сказать, что латинская медицинская, а также биологическая лексика достаточно широко представлены в письмах писателя, что, безусловно, связано с профессиональной деятельностью Чехова-врача.

Это названия болезней и болезненных состояний, анатомические термины, медикаментозные средства и другие латинские лексемы, используемые в медицине и в биологии:

a) **lumbago** (II, 329); **cancer prostatae** (I, 27); **ca-tarrhus intestinalis** (II, 356); **delirum tremens** (I, 125); **pn. cruposa** (III, 625); **impotentia** (II, 726); **erysipelas** (III, 678);

b) **ductus** (II, 419); **rectum** (IV, 818); **in recto** (II, 275);

c) **infusum** (I, 96); **Kalium bromatum** (II, 409; III, 590); **Kal. jodatum** (II, 378); **T-rae ferri pomati**

¹⁶ Значение их дается по словарю: Бабкин А.М., Шендеров В.В. Словарь иноязычных выражений и слов: В 2 т. Изд. 2-е. – Л., 1981-1987.

¹⁷ Слово *natura* как обозначение характера человека неоднократно встречается в письмах в русском написании (III, 532; 535; 647).

(II, 276); **Elix. visceral**<e>, **Hoffmani** (II, 276); **De-coct. Salep.** (I, 41); **mag<istherium> bism<uthi>** (II, 305); **ipecc., ..., atrop.** (III, 658);

d) **ad vitam** (IV, 704); **habitus** (II, 329); **intermittens** (= **intermissio**. – Л.Д.) (III, 635);

e) **insecta; mammalia; homo** (I, 39); **Aloe** (I, 118) – псевдоним Ал.П. Чехова (неоднократно в русском написании).

Надо отметить, что Чехов использовал медицинские термины и переносно. Так, латинское **erysipēlas** «рожа, рожистое воспаление» в письме к врачу Е. М. Линтваревой выступает в значении «фотография»: «Посылаю Вам свою erysipelas» (III, 678). А латинское **habitus**, обозначающее в медицине внешний вид человека, его облик, в письме к Ал. П. Чехову употреблено по отношению к газете: «Живя у Суворина, я поближе познакомился с целями, намерениями и *habitus*’ом “Нового времени”» (II, 461).

Иногда медицинские термины служат своего рода эвфемизмами, позволяющими избежать некоторых «неприличных», так сказать, наименований: **coitus** (I, 112); **in recto** (II, 275); **rectum** (IV, 818).

Обращают на себя внимание чеховские новообразования на основе лат. **mania** «помешательство», являющегося гречизмом по происхождению (греч. *μαν...α* «бешенство»): «... редкий случай новой болезни **svartigomania**» (II, 271) – о переезде поэта и переводчика Л.И. Пальмина на новую квартиру; «Целый день сижу, читаю и делаю выписки. В голове и на бумаге нет ничего, кроме Сахалина. Упомешательство. **Mania Sachalinosa**» (IV, 769).

Устойчивые латинские сочетания, которые и в современном языке образуют пласт иноязычных вкраплений, также активно задействованы в письмах А.П. Чехова.

Conditio sine qua non «Обязательное условие»: «... это *общее* необходимо и составляет *conditio sine qua* поп всякого произведения, претендующего на бессмертие» (III, 520).

Curriculum vitae «Жизненный путь; букв. бег жизни»: «Вот Вам мое *curriculum vitae*» (III, 671) – форма среднего рода сейчас считается разговорной; «... написать Вам обещанное *curriculum vitae*» (III, 658) – здесь речь идет о дневнике умирающего Ник.П. Чехова, в котором он должен был сообщать лечившему его доктору Н.Н. Оболонскому о своем состоянии.

De facto «В силу факта, фактически»: «... мои рассуждения *de facto* пошли к черту» (I, 143).

De iure «В силу закона, права; юридически»: «... они в самом деле и *de iure* и *de facto* крестьяне» (IV, 818) – о евреях в Сибири.

Et cetera «И так далее»: «Пиши рассказы в 50-80 строк, мелочи *et caetera*» (I, 39); «около дачи оранжереи, клумбы *et caetera*...» (I, 105). Ср.: «Читаем, пишем, шляемся по вечерам, пьем слегка водку, слушаем музыку и песнопения *et cetera*» (I, 27).

Ex abrupto «Сразу, вдруг»: «Но разговор этот [с беременной бабой. – Л.Д.] ... я вставил..., чтобы у меня выкидыш не вышел *ex abrupto*. Я врач и посе-

му... должен мотивировать в рассказе медицинские случаи» (III, 497).

Honoris causa «Ради почета»: «Завтра я гуляю на свадьбе у портного, недурно пишущего стихи и починившего мне из уважения к моему таланту (*honoris causa*) пиджак» (II, 372) – устойчивое латинское сочетание по сути является синонимом русского «из уважения», и, видимо, поэтому оно заключено в скобки.

In corpore «В полном составе»: «... во время письма вдруг явится желание изменить что-нибудь *in corpore* и проч.» (I, 122).

In statu quo «В одном и том же, неизменном состоянии; без изменений»: «Я кашляю. Перебой сердца. Не понимаю, в чем дело. Состояние духа отменное. Импотенция *in statu quo*» (IV, 869). Ср.: «Бывают при этой болезни временные улучшения, ухудшения и *in statu*» (III, 651), где в данном устойчивом сочетании местоимение опущено.

Lege necessitatis «По закону необходимости; в силу необходимости»: «... мне *lege necessitatis* приходится садиться за обязательный труд...» (II, 333).

Nec plus ultra «Дальше некуда»: «Порфирьев сух до *nec plus ultra* и самому передельвать» (I, 128); «... обыкновенно затягиваю свою беседу до *nec plus ultra*, до геркулесовых столбов» (I, 138); «С невестой разошелся до *nec plus ultra*» (I, 157); «... отдается страсти до *nec plus ultra*» (III, 507) – о героине «Лешего».

Sui generis «Своеобразный; особый; необычный, оригинальный»: «...Лиодор Иванович поэт *sui generis*...» (I, 197); «Вы писака *sui generis* и самостоятельны, как орел в поднебесье» (II, 379).

Ср. также: «Лечить их *per distantiam* трудно» (II, 333) и «...Вы... не отказываетесь от знакомства с *crematum*¹⁸ *simplex*» (II, 300).

Неотъемлемой частью повествования становятся у Чехова латинские изречения и пословицы:

«11-12-го октября я перебираюсь и *omnia mea mesum porto* на Якиманку...» (I, 118) – латинская фраза, переводимая как «Все мое ношу с собой» (Биант), продолжает русскую фразу и логически с ней связана;

«... им нужна *mens sana in corpore sano*» (I, 163) – о воспитанных людях: лат. **Mens sana in corpore sano** (Ювенал) – «В здоровом теле здоровый дух».

«Нечаянно, вдруг, наподобие *deus ex machina* пришло ко мне письмо от Григоровича» (I, 165) – латинская фраза, переводимая букв. «бог из машины» и означавшая неожиданную развязку (в античной трагедии) поставлена в один ряд с русскими синонимами;

«*Panem et circenses* нет и нет» (I, 88) – в ответе Н.А. Лейкину, просившему тем и подписей этой латинской фразой: лат. **Panem et circenses** (Юве-

¹⁸ Не ясно, следует считать **crematum** опiskeй Чехова или недосмотром корректора. Во всяком случае, перевод «простым тружеником» в сноске предполагает **creatus**, хотя правильно было бы сказать **creatus simplex** (лат. *creatus* «отпрыск, сын, дитя»).

нал) – «Хлеба и зрелищ!» – возглас, выразивший основные требования римской черни;

«... Умер он от алкоголя и добрых приятелей, *nomina коих sunt odiosa*» (I, 55) – лат. *Nomina sunt odiosa* (погов.) – «Имена ненавистны», т. е. не будем называть имен, не будет касаться личностей;

«У Вас 600 кустов георгин... На что Вам этот холодный, не вдохновляющий цветок?.. Впрочем, *de gustibus non disputantur*» (I, 77) – личная форма глагола заменила герундив в известной поговорке **De gustibus non est disputandum** – «О вкусах не спорят». Ср.: «Конечно, о вкусах не спорят, но на мой вкус жить на Псле и ничего не делать гораздо душевспасительнее...» (II, 448);

«*Volens-nolens* приходится писать и туда, куда не хотелось бы соваться» (I, 44); «Судьба сделала меня нянькою, и я *volens-nolens* должен не забывать о педагогических мерах» (III, 659). *Volens-nolens* – «Волей-неволей; хочешь-не хочешь» Ср.: «... он волей-неволей наталкивается на вопросы, которые волей-неволей, во что бы то ни стало должен решать» (III, 540);

«... для Вас все равно, каков бы ни был рассказ, но я не разделяю этого взгляда. *Quod licet Iovi, non licet bovi*. Что простится Вам и Пальмину, ... то не простится начинающему писателю» (II, 347) – семантика латинской поговорки, букв. «Что позволено Юпитеру, не разрешается быку», раскрывается следующей русской фразой. Ср. парафразу этой поговорки в письме к А.Н. Плещееву – и здесь после парафразы латинской поговорки идет рассуждение, раскрывающее ее смысл: «Что с Вами, дорогой Алексей Николаевич? Правда ли, что Вы хвораете? *Quod licet bovi, non licet Iovi*... Что к лицу нам, нытикам и дохленьким литераторам, то уж совсем не подобает Вам, обладателю широких плеч...» (II, 381). Ср. также в письме А.С. Суворину: «Запретите Лялину бранить адвокатов. Что приличествует Жителю (т.е. А.А. Дьякову, литератору, сотруднику “Нового времени”. – Л.Д.) или кому-нибудь другому, то совсем не к лицу бывшему адвокату (т.е. В.С. Лялину, фельетонисту. – Л.Д.)» (IV, 773).

Как парафраза известного изречения **Amicus Plato, sed magis amica veritas** («Платон мне друг, но истина дороже») воспринимается латинская вставка в письме к брату Н.П. Чехову, художнику: «Недостаток у тебя только один. ...Это твоя крайняя невоспитанность. Извини, пожалуйста, но *veritas magis amicitiae*...» (I, 163). **Veritas magis amicitiae** – «Истина больше дружбы».

Особо следует сказать о русских парафразах известных латинских изречений.

«Письмо доставлено по назначению. Пришел, отдал и ушел, причем... не поклонился» (I, 24). Ср. лат. **Veni, vidi, vici** (Цезарь у Светония: *Caes. 37*) – «Пришел, увидел, победил».

«Жизнь коротка, в столице она скучна и сера... надо пользоваться» (I, 296). Ср. лат. **Vita brevis, ars longa** (Гиппократ) – «Жизнь коротка, искусство (наука) вечно».

«У нас задача общая и понятная: думать, иметь голову на плечах. Что не мы, то против нас» (I, 36).

Ср. лат. **Qui enim non est adversus vos, pro vobis est** (Лука IX, 50) – «Кто не с нами, тот против нас».

«Я сделал то, что мог и умел, – стало быть, прав» (III, 603). Ср. лат. **Feci, quod potui** – «Я сделал, что смог» (заключительные слова римских консулов при сдаче полномочий).

«Все хорошо в меру, а сильные ощущения меры не знают» (III, 595). Ср. лат. **Est modus in rebus** (Гораций, Сатиры. 1, 106) – «Есть мера в вещах (делах)»; **Modus omnibus in rebus** (Плавт, Пуниец, I, 2, 239) – «Существует мера во всех делах».

«Мне кажется, что меня можно скорее обвинить в обжорстве, в пьянстве, в легкомыслии, в холодности, в чем угодно, но только не в желании казаться или не казаться...» (III, 497). Ср. лат. **esse, quam videri (bonus)** – «Быть, а не казаться (хорошим)».

«Рассказать тебе о своем путешествии так же трудно, как сосчитать листья на дереве» (IV, 875). Ср. лат. **fluctus numerare** – «считать волны» (пословица); см. Цицерон, Письма к Аттику (II, 6).

Встречаются в письмах Чехова и буквальные переводы латинских фраз.

Aurea mediocritas: «На меня от скуки нашла блажь: надоела золотая середина, я всюду слоняюсь и жалуясь, что нет оригинальных, бешеных женщин» (III, 535). Латинская фраза – выражение одного из положений житейской философии Горация (Оды, II, 10, 5).

Ferro ignique: «... хотят, чтоб им помогли полиция и милиция огнем и мечом!» (IV, 773). Латинское выражение – перевод афоризма Гиппократа «Железом и огнем (лечить), который приобрел впоследствии значение «огнем и мечом (уничтожать)».

Ср. также восходящую к Плутарху фразу о жене Цезаря: «Жена Цезаря не должна быть подозреваема; так и писатель таких размеров, как Вы, должен быть выше упреков» (III, 705); «... компрометируют в глазах толпы науку, которая, подобно жене Цезаря, не должна быть подозреваема, и третируют... совесть...» (III, 748).

Ахиллесова пята приходит на память, когда в письме к А. С. Суворину читаешь, что «Печень – это слабая сторона, это пятка Боткина» (III, 738).

Нередко в письмах Чехова встречаются латинские слова, передаваемые русской графикой:

«... клинические занятия с неизбежными историями морби...» (I, 55) – лат. **historia morbi** «история болезни»;

«... не все имеют такую кувалдистую корпуленцию...» (II, 301) – лат. **corpulentia** «дородность, полнота, тучность; телесность»;

«... два мужика в роли кустодиев около трупа. ... Около кустодиев пухнет маленький костер» (I, 77) – лат. **custos** «страж, сторож; наблюдатель» и **custodia** «охрана; надзор; стража, пост»;

«Если куплю себе хутор, то устрой там себе настоящую библиотеку, со всеми онерами» (III, 620); «...весна со всеми онерами» (III, 647) – лат. **onus, oneris** «обязанность, долг; pl. расходы; бремя, тяжесть»;

«Говорит также сей велеречивый понтифекс, что...» (IV, 773) – лат. **pontifex** «понтифик, жрец»;

«Дети поступят под ферулу бабушки...» (II, 428); «... а Бежецкий вышел бы из-под ферулы Бурунина» (II, 487) – лат. **ferula** «розга, хлыст»;

«Я осматриваю берега в бинокль и вижу чертову пропасть уток, гусей, гагар, цапель и всяких бестий с длинными носами» (IV, 843) – лат. **bestia** «животное, зверь». Ср.: «... слушал цыганок. Хорошо поют эти бестии» (III, 613) и «... Это продувная бестия, думающая о себе очень хорошо и собою довольная» (III, 647) – о Штольце у Гончарова, где слово бестия использовано в привычном для всех значении.

«Шлю рассказ... В нем тронуты студии, но нелиберального ничего нет» (I, 139); «Посылаю Вам сию тарелку с Вашими домами. Изображено студией» (II, 311); «... публика (студии, врачи, математики и проч.), к которой я принадлежу как эскулап...» (II, 357); «У нас грандиозные студенческие беспорядки. ...студии, окруженные тяжеловооруженными Гекторами и Ахиллами на конях и с пиками, требуют...» (IV, 782); «... полномочия будут даны студии Мише» (III, 582) – лат. **studiosus** «учащийся, изучающий».

Аналогично на основе латинского **spiritus vini** образовано **спиритуозы**: «Здоровье мое поправилось. Не только работаю, но даже позволяю себе употреблять спиритуозы» (I, 98); «Как насчет спиритуозов? Придерживаетесь или отрицаете?» (III, 657).

Русские слова могут получать оформление по латинской модели. «Алкоголизм!» (III, 683) – обращение к брату Ал.П. Чехову. Но «Ложь – тот же алкоголизм» (III, 497) – в письме к А.Н. Плещееву.

«Намерения были благие, а исполнение вышло плохиссимо» (I, 143) – латинский суффикс превосходной степени *-issim-* у русского прилагательного.

Возможно, сюда примыкает и форма **докторе** в письме к врачу Н.Н. Оболенскому, знакомому семье Чеховых: «Милый докторе, моя сестрица отказывается идти обедать в “Эрмитаж”, ссылаясь на недосуг» (IV, 781). Хотя латинизм **доктор**, в памятниках русской письменности встречающийся с XVI века¹⁹, является давно освоенным существительным второго склонения, использованная в обращении звательная форма может быть истолкована по-разному: образование по латинской модели или подражание старой русской форме звательного падежа.

Выше уже шла речь о том, что Чехова восхищали письма, написанные на латинском языке: «Прислал он мне также письмо на латинском языке. Великолепно» (IV, 870); «Твое письмо на латинском языке гениально. Я его спрятал и буду хранить до тех пор, пока разучусь понимать разумное и оригинальное» (II, 274). Добавим к этому, что сохранилось адресованное Ал.П. Чехову шутовское письмо-записка на латинском языке, написанное самим А.П. Чеховым: «Korbo, canis clarissimus, mortuus est. Gaudeo te asinum, sed non canem esse, nam asini ditius vivunt» (III, 523) – «Корбо, знаменитейшая со-

бака, издох. Я радуюсь, что ты осел, а не собака, ведь ослы дольше живут».

Своеобразный фон писем создается также за счет введения различных античных реалий – мифологических, исторических, литературных:

«В Вашей филиппике по адресу старости...» (IV, 773);

«... филиппики против москвичей...» (I, 31);

«... по милости своего принципала...» (IV, 818);

«... около Страстного монастыря плебс напал на жандармов... Плебс будто бы вопил при этом...» (IV, 792);

«Да, Ежов грубоват. Это плебей, весьма малообразованный, но неглупый и порядочный» (IV, 797);

«... мог вообразить себя аркадским принцем...» (I, 99);

«В каком месте он открыл для себя Аркадию, я не знаю...» (III, 541);

«... вернулся к пенатам...» (II, 466);

«... молюсь своим линияющим пенатам» (IV, 861);

«Счастливейший избранник Гименея, добрейший доктор и восхитительный мужчина!» (III, 743);

«Я сам охотно бы зануздал себя уздами Гименея, но увы!» (II, 452);

«Идет снег, дует Борей...» (I, 171);

«Очень рад, что Вы охладели к Мельпомене» (III, 673);

«... поддаться пению сирен» (III, 581);

«Небрежность, откладывание до завтра, Бахус...» (III, 525);

«... чудом, выскочившим неожиданно из чьей-то головы на манер Афины Паллады...» (IV, 870);

«... пришлось пройти все тартары...» (I, 76);

«... процессия освещается Фебом» (II, 281);

«Если не погибну от тифонов [= тайфунов. – Л.Д.] у Японии» (IV, 787);

«Свистит парход... что-то среднее между ослиный ревом и золотой арфой» (IV, 808);

«...желающего во что бы то ни стало попасть на Парнас» (III, 724);

«Пишите, заклиная Вас прахом Цезаря» (I, 143);

«Точно я Плюшкин или беден, как Диоген» (III, 707);

«Я не Потемкин, а Цинцинат» (III, 603) – Лат. **Cincinnatus** – фамильное имя (cognomen), присоединяемое к родовому (nomen). Очевидно, имеется в виду Луций Квинкий Цинцинат, консул 460 г. до н.э.;

«Вспоминаю Прокруста и его ложе» (II, 255).

Эти примеры можно еще долго продолжать, потому что и в письмах античность «безотказно служит Чехову», как делала это в художественных произведениях писателя²⁰.

Активно используемый латинский компонент, отражающий как общезыковые лексические и фразеологические единицы, так и индивидуальное языковое творчество писателя, является органичной частью русского текста или его переводом, как бы уточняющим значение сказанного по-русски.

¹⁹ См.: Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 4. – М., 1977. С. 293.

²⁰ См. об этом: Николаева Г.Н. Указ раб. С. 297.

Корпус латинских вкраплений, выявленных в письмах А.П. Чехова, перекликается с латинским компонентом в его художественных сочинениях. Ср.: «Он улыбнулся, поглядел вверх на небо и, кладя псалтырь в карман, сказал: “Finis”» («Степь»). Или: «“Veni, vidi, vici!” – сказал он, влетая в комнату...» («Шведская спичка») – в письмах, как было отмечено выше, фигурирует парафраза этого изречения Цезаря. О **volens-nolens, sui generis, mania**

grandiosa, dixi et anivam levavi, in corpore, de gustibus non est disputandum в художественном наследии А.П. Чехова писала в указанной статье Г.Н. Николаева, считавшая латинизмы – по ее терминологии – «живым элементом языка» писателя.

Можно предполагать, что письма были для А.П. Чехова своего рода творческой лабораторией для апробации языковых средств.